

– Вов, а наш дом виден?

– А ты как думал? Оттуда вся земля видна.

– Класс! Тяжело, наверно?

– Да так. Я раз десять лазил. Не в кипиш.

– Страшно было в первый?

– Ещё чего! Мы что, не ффраера?

– Ясен перец, ффраера. А не сорвёмся?

– Дело твоё. На сам глей можешь не лазить, я один. Только тогда ничего толком не разглядишь.

Да и позор, быть наверху, на глей не взобраться. Стыдобища.

Мальчишки помолчали. Который повыше, Вовка, ухмылялся, наблюдая, как Васёк, младший брат, пытается храбриться. У них начались каникулы. Лето выдалось жарким, ни облачка. Синева над городом мешалась с серой угольной пылью, дымами и ядовитыми различными газами от терриконов, металлургического, азотного, коксохимического заводов. Ультрафиолет до земли почти не доходил, загорай не загорай, толку никакого. Если с высоты посмотреть на горизонт, то ужаснёшься: слой атмосферы над кромкой совсем чёрный.

Солнце жарило, люди маялись от духоты. У родителей зарплаты были невысокие, мальчишкам приходилось большую часть каникул проводить безвыездно в их родной, горячо любимой и столь вредной для здоровья шахтёрской столице. Чтобы не помереть с тоски, придумывали всяческие развлечения, типа сегодняшнего восхождения на старый, порыжевший с годами террикон, что был похож на застывший вулкан. Каких только небылиц про него ни рассказывали. И что внутри заполнен раскалённой магмой, и что однажды, лет десять назад, туда провалился целый бульдозер. А ещё молва приписывала рыжей горе различного рода мистификации. Кто утверждал, что на вершине её пляшут ведьмы, а кто-то даже видел пещерного короля у входа в дыру, что зияла посередине глея.

– Слышь, Вовка, а почему верхушку глеем называют?

– Ну... Как тебе сказать? Называют и всё. Никто не знает.

– Странно. Глей... Какой такой глей? А, правда, что там водятся эти?

– Кто?

– Ну, эти, черти там всякие, ведьмы.

– А-а-а. Так мы сейчас и проверим. Дрейфишь, что ли?

– Да ладно. Чего это дрейфлю! Интересно просто.

Братья, пересекли большую лесопосадку, что живой лентой тянулась вдоль железной дороги, и перемахнули через забор, за которым располагался «стройдвор». Так в посёлке именовался комбинат подсобных предприятий. Там было много цехов, которые изготавливали арматуру, бетонные плиты, всякую столярщину, мебель и даже кастрюли из алюминия и нержавеющей стали. Чтобы подобраться к террикону, надо было миновать «стройдвор». Сразу за ним начиналась территория «тринадцатой», их знаменитой старинной шахты, благодаря которой и существовал Горняк, посёлок, в котором они жили. Передвигались нелегально. Любопы встретившийся начальник мог сдать охране, а там разбиться не станут, сразу в детскую комнату и на учёт, начнут мытарить. В школу сообщат, родителям на работу. По этой причине Вовка, когда они прокрались к столярному цеху со стороны кучи опилок, стружек и обрезков досок, пригнулся и пустился короткими перебежками. Васёк послушно последовал примеру.

За арматурным старший брат принялся что-то высматривать среди производственного мусора, которого здесь водилось в избытке. Наконец, нашёл два арматурных прута по полметра длиной. На удивлённый взгляд пояснил:

– На всякий случай. От ведьм отбиваться или королю пещерному по чайнику, если прикапываться начнёт. Мало ли кто там кроме нас шляется.

Поигрывая прутами и сбивая по пути головки с бодяков, мальчишки приблизились к террикону. Издали он не казался таким огромным, каковым предстал сейчас, от подножья. Вершина его упиралась в облака, которые набежали в зенит и вдруг начали быстро тучнеть, становясь чёрными, как антрацит. Террикон действительно был старым, непогоды основательно обтрепали некогда ровные склоны. Порода, натасканная из штреков вагонетками, спрессовалась в монолит. Вершина закруглилась, а ниже, метров на двадцать, обтесалась дождями и ветрами так, что получилось подобие человеческой головы на короткой, мощной шее. С северной стороны в довершение сходства имелось нечто наподобие носа, под которым зияла похожая на рот пещера. Голова и звалась глеем.

Постояв с минуту, братья начали подъём. С годами вода намыла целую канавку, по которой, как по тропинке, несложно было добраться до глея. Восхождение вначале давалось легко. Даже позволили себе некоторое расстояние преодолеть бегом. Но через пару десятков метров ноги налились, дыхание сделалось частым, не хватало воздуха. Ещё через минуту мальчишки покрылись испариной, а минут через пять вовсе упрели. Остановились отдышаться. До вершины оставалась половина пути, но даже здесь, когда они огляделись, захватило дух. Всё, что осталось внизу, вдруг сделалось миниатюрным, и Васёк от удивления закричал:

– Вов, смотри, какие игрушечные машинки ездят. Вот здорово! Брёвна, брёвна-то, как спички. А вот тётка идёт, глянь, лилипутка. Ха-ха.

– Это ещё что, – Вовка заворожено, словно в первый раз, любовался открывшимся пейзажем, – вот погоди, мы на макушку взберёмся, увидишь и не такое.

Когда они, наконец, поднялись на шершавую, но довольно-таки ровную площадку перед глеем, Васёк несколько сник. Настоящая скала. Страшновато. Вовка смотрел на брата с иронией. Сдрейфил, мелочь ходячая. Однако сам никак не мог избавиться от мурашек, что копошились на спине. И было из-за чего. В прошлом году пацан из их уличной компании сорвался, чуть-чуть не добравшись до пещеры, и сломал ногу. Так всё лето в гипсе и ковылял. Да ещё от мамки исхлопотал ремня.

Вокруг террикона ползали тучи, чуть ли не цепляясь за него чёрными пузами. Ветер – разве что не сбивал с ног. По всей вероятности, дело шло к дождю. Надо было торопиться и решать, что дальше: взбираться на глей или спускаться, несолоно хлебавши. Но куда там, спускаться! Разве ж это мыслимо? Как потом друг другу в глаза смотреть? И братья полезли.

Коварным оказался глей. Уступчики махонькие, зацепиться не за что. Тут опытному альпинисту туговато бы пришлось. Знали бы отец с матерью, чем их бестолковые чада занимаются, шкуру натурально бы спустили.

Местами они зависали, держась на одних пальцах и лихорадочно шаря кедами в поисках выбоинки или торчащего камешка. Сколько раз Вовке и Ваську казалось, что всё, хана, сорвутся насмерть. Но, стиснув зубы, яростно боролись за жизнь и упорно пробивались кверху. И для чего, спраши-

ается, риск? Кто бы знал, кто бы дал ответ. На то они и мальчишки. Так, наверное, воспитывается мужество. Именно с опасностью для жизни, с невероятными страхами и полной уверенностью, что героизм закончится отцовской поркой. Или, что ещё страшнее, пещерный король – вдруг да существует на самом деле, выжидает, потирая волосатые клешни. А что, лакомая достанется добыча. Заберёт к себе в гору и зажарит в раскалённой магме. Тут и пруты вряд ли помогут. Да и не было их с собой, пришлось бросить, когда полезли на штурм глея.

Вовка первым ухватился за край, перекинул ногу и ввалился в пещеру. Сразу же протянул руку. Но Васёку зацепиться за неё не удалось. Тогда Вовка перехватил братишку за шиворот. Оба едва переводили дыхание. Руки дрожали. Гулял сквозняк, пахло серой. В рост не подняться, угнездились на корточках. Не такая уж она и большая, пещера. И где, спрашивается, страшный король? Ха-ха. Браки. И ведьм никаких. Васёк улыбнулся и приободрился. А когда глянул на ладошки, присвистнул. Пальцы, сами ладоши были исцарапаны и кровенили. И рубашка в нескольких местах порвалась, и штаны в коленях. Теперь мамка найдёт, что сказать. Изодрался и Вовка. Они взглянули друг на друга, рассмеялись. Что ещё оставалось?

– Ну, ладно, отдохнули, давай дальше, – предложил не вполне уверенно Вовка. – Или может, обратно повернём?

Он в глубине души рассчитывал, что Васёк подхватит мысль. Что-то расхотелось Вовке лезть на верха. Если б младший согласился... Но тот проявил характер:

– Нет уж, раз взялись, давай до конца.

Тогда старший первым, прижавшись к стене всем телом, даже щекой, полез. Васёк следом. За пещерой начиналось закругление, взбираться стало легче. И вот она, их Джомолунгма, их Эверест – вершина мира!

Ветер трепал им куцые вихры, полоскал штанины, надувал пузырьём рубахи. Мальчишки стояли, широко расставив ноги, держась за руки. Глаза источали восторг. Они победили. Гордость переполняла грудь.

– Ого-го-о-о! – закричал младший.

– Ого-го-о-о! – спохватился старший, замахал свободной рукой, будто сигнализируя кому-то.

Ветер подхватил их крики и унёс в потучневшие облака, что по-прежнему копошились вокруг. «Кто-нибудь снизу смотрит и, наверное, думает, что ведьмы на вершине гуляют», – подумал Васёк, но вслух не сказал. Так им было радостно, что оба забыли, как хотели рассмотреть и свой дом, и школу. Вдруг рядом, из самого массивного и тёмного тюка небесной ваты, хлопыстнуло яркой ослепительной вспышкой. Доморощенные альпинисты от неожиданности присели на корточки. Через пару секунд так громыхнуло, что Вовка с перепугу закричал, словно молния пальнула в него. Они потом не могли вспомнить, как очутились на площадке перед глеем, причём, ни у кого не прибавилось ни одной царапины. Не чуя ног, скатились по канавке с террикона и, уже не таясь, на всех парусах кинулись прочь, миновали шахту, «стройдвор». Только в посадке остановились, оглоушенные внезапным мраком.

Небо потемнело и стало низким-низким. Казалось, уже тучи ползли по верхушкам акаций и ясеней. Воздух терпко пах озоном, травой и листьями, сделавшись густым и липким. Стало не по себе как-то. Держась за руки, они продолжали безмолвствовать, словно парализованные невнятным страхом. Опять сверкнуло, ударил гром, раскатистый, трескучий. Началась гроза. Вовка первым пришёл в себя:

– Надо, Васёк, рвать когти. Сейчас ливень будет.

Братья выскочили на дорогу и побежали к переезду. Но замелькали красные сигналы, резко зазвонил звонок, и шлагбаум, когда до него оставалось метров тридцать, шустро опустил полосатую лапу. Справа раздался протяжный гудок. Тепловоз приближался быстро, как будто не ехал по рельсам, а летел, разрывая в клочья пространство, отчего по бокам разлетались могучие вихри.

– Бежим! – скомандовал Вовка и рванулся к шлагбауму. – Должны проскочить.

Васёк старался от брата не отставать, но куда там. Вовка в ту подростковую пору имел в два раза длиннее ноги и совершал прыжки, как кенгуру. Он бы успел. Но младший не смог. Вовка у шлагбаума остановился и обречённо махнул рукой, заметив, как вышедший из будки встречать состав путейщик выразительно пригрозил ему кулаком и что-то стал кричать. Поезд налетел смерчем и заглушил все остальные звуки. Замельтешили вагоны. Было видно, как с другой стороны переезда

подъезжают машины с включёнными фарами. Их свет размеренно дробился проносящимися «пульманами» на отдельные кадрики, как лента в проекторе. Мальчишки заворожено смотрели живое кино и, почти оглохшие, непроизвольно вертели головами в такт прямоугольным теням.

И тут хлынуло. Грохочущий, как из преисподней, поезд, и мелькающие огни, и ветер, и ливневые капли величиной с яблоко, образовали сумасшедшую феерию. Было и страшно, и восторженно. Оглянувшись, Васька видел, какая длинная очередь машин выстроилась и за их спинами. Хвост исчезал за поворотом, словно светящийся ручей или даже целая река с перекатами и водоворотами. А поезд всё мчался и мчался.

– Пятьдесят пять, пятьдесят шесть, – Вовка пытался считать вагоны, сбивался, но всё равно продолжал. – Сорок три. Пятьдесят. Ничего себе. Пятьдесят четыре.

Они промокли до последней нитки, до самых костей. Ливень хлестал, рассекая косыми тетрадными линейками все ракурсы, словно кто-то там вверху, впад в неистовство, сочинял и на скорую руку записывал драматическую пьесу, изобилующую батальными сценами, приключениями и трагедиями. И когда, наконец, всё стихло, братья подумали, что наступил конец света, поскольку дождь настолько усилился, что не стало видно ничего, кроме смутно пробивавшихся через плотный водяной слой красных мерцающих лучей.

Шлагбаум поднялся, машины, сигналив, разъехались. Остался лишь ливень. Вдоль дороги зашумели ручьи, на их поверхности лопались огромные пузыри. Подростки стояли, чуть ли не по колено в воде. Когда до них это дошло, рассмеялись громко и заливисто. Смех стал своеобразной разрядкой после пережитого шока, настолько сильного, что, кто знает, может, он определил их дальнейшую судьбу, полную приключений, тревог и невзгод.

2

На первом же экзамене Владимир провалился с треском. Нет, он многое знал, упорно штудировал необходимое по вступительной программе, даже гулять не выходил, всё над учебниками сидел. И билет попался хороший, вопросы знакомые. Но преподаватель, сухопарая, не первой молодости тётка, рыжая и вся в конопушках, брезгливо кривила тонкие губы и твердила, как заведённая:

– Вы ничего не знаете. Вы ничего не знаете.

Вовка скрипел зубами и очень хотел рыжей надерзить. Еле сдерживался. Что значит, «ничего не знаете»? Буквально перед тем, как зайти в аудиторию, просматривал учебник. Как по заказу, попался прочитанный вопрос. Абитуриент материал излагал уверенно, пока не натолкнулся на совершенно пустой взгляд. Господи, до чего же противная, эта экзаменаторша! У Вовки не было ещё опыта скрывать эмоции, и на лице парня отражались все оттенки, что обуревали молодую, нетерпящую несправедливости, душу. Преподаватель без труда прочитывала страсти, и её глаза становились совсем пустынными, как будто не человек перед тобой, а робот с перегоревшими контактами.

– Так, можете не продолжать. С вами всё понятно. Вы вообще на вступительные, зачем пришли?

И, не моргнув глазом, вывела в экзаменационном листе: «неудовлетворительно». И уж совсем повергла в шок змеиной улыбкой:

– Приходите на следующий год. Только, пожалуйста, подготовленным.

В коридоре в нетерпении топтался брат. Василий вымахал ростом даже выше, правда был тощее и жилистее.

С тех пор, как они лазали на террикон, прошло три года. Старший закончил десятилетку. Родители настояли, чтоб сын пошёл в институт, и заставляли готовиться, освободив от любой работы по хозяйству, а заодно от гулянок и танцулек. Отец отличался твёрдостью характера, и раз уж сказал, то всё. Был уверен, что сын обязательно поступит, он же так сказал! И никакой другой вариант не рассматривался. А вышло-то вона как.

Васёк пока ещё не знал о фиаско и переживал за брата под дверью. Он тоже был уверен, что тот поступит. Лично проверял. Всё знал, что ни спроси. И формулы выучил, и законы физики затвердил, что называется, назубок. Вот сейчас выскочит, радостный, счастливый, и они побегут в кафе-мороженое, отмечать. Брат появился, ни жив, ни мёртв. О чём-либо расспрашивать не имело смысла.

– Вот сука! – Вовкино лицо из бледного мгновенно сделалось багровым. – Таких тварей убивать надо. Гадина, гадина!

Заметив испуг младшего братишки, обнял за плечи.

– Пойдём отсюда, Васёк. Тут козлы и сволочи. Лучше в армию, чем с такими вот несколько лет мучиться.

Они вышли и медленно побрели по ухоженной аллее институтского парка. Попалась скамейка, присели. Вовка достал сигареты.

– Будешь?

– Не-а. Я бате обещал, что никогда в рот не возьму.

– Да я не скажу.

– Понимаешь, я ведь слово дал.

Владимир потрепал Василия по вихрам и притянул к себе. Молодец всё-таки! В отца характер. Девятиклассник всего лишь, а ведёт себя, как мужик. Чего греха таить, завидовал младшему. Особенно после памятного восхождения на глей. Ох, и страху тогда натерпелась! Но победитель-то младший. И как-то пошло, что Васёк стал негласным лидером. Не сказать, чтобы он выделялся чем-то или волю свою навязывал, нет. Получалось само собой. Даже родители считали Васю несколько выше себя по «статусу». По какому, пока ещё неясно было. Но младший занял в семье, и не только в семье, в школе, а как выяснилось позже, и на улице, главенство, основанное на подсознательном к нему уважении.

– И правильно! Нечего травиться. А я, брат, закурю. Что за невезуха!

От обиды смахнул невольную слезинку. Как легко от него избавились! Конечно, всякое болтали. Говорили, что без блата в институте нечего ловить. Что там дерут с поступающих баснословные взятки. Неужели, правда? Вот стервятница! Чего бате-то сказать?

– Делать нечего, Васёк. Буду сухари сушить.

– Может, отсрочку дадут?

– С какой это стати? Я что, инвалид или двоих детей уже настрогал? По осени забреют, на полных два года. Послужим. Теперь на тебя вся надежда. Заранее начинай готовиться. Ты-то уж поступишь, я знаю.

Мимо прошли две девушки, стрельнув глазками из-под густо накрашенных ресниц. Потом вернулись.

– Ребята, не угостите сигареткой?

Владимир вообще-то был симпатичным, и Василий привык, что к старшему липнут девчонки. Вот и сейчас несколько не удивился. Сам-то Васёк, хоть и перешёл аж в девятый класс, считал, что не настало ещё время для противоположного пола. Но, по правде сказать, с некоторых пор данный вопрос начинал волновать. Так, слегка.

– Пожалуйста, дамочки, – развязно ответил Вовка и протянул недавно начатую пачку. – А берите всё, мне уже без надобности.

Видя, как удивлённо приподнялись брови у одной, добавил:

– Я с этой минуты не курю больше.

Решительно поднялся и, кивнув брату, пошёл к троллейбусной остановке, совершенно не обращая внимания на девиц, что разочарованно пялились вслед огромными глазищами, в которых заметались бесовские искорки.

– А ведь они познакомиться хотели. Слышь, Вов?

– Ежу понятно. Только мне как-то не захотелось. Ненавижу курящих.

– Я тоже.

– Он тоже. Да ты когда такой вывод успел сделать? Надо же, а я и не знал, что братишка уже на юбки засматривается.

– А мы разве не фраера? – Васёк рассмеялся, припомнив их детскую поговорку.

– Смотри у меня, «фраер»! Не вздумай тут ожениться, пока я долг Родине отдавать буду. Женилку отрасти сначала. Впрочем, – он оглядел брата с ног до головы и удовлетворённо крикнул, – насчёт женилки, похоже, намекать поздно. Ну, хочешь, вернёмся, они ещё ждут.

– Да ну их. Пепельницы ходячие.

– Ладно, поехали в кафе. Неудачи, брат, иногда тоже полезны. Кто знает, может, меня судьба к чему другому подводит. Или уводит от чего-то...

Кафе располагалось на главной улице недалеко от площади Ленина. Она носила имя легендар-

ного революционера Артёма, огромный гранитный памятник которому возвышался перед сквером, где буйствовала сирень и цвела акация, источая сильные ароматы. Вдоль всей улицы, как и на самой площади, было бесчисленное количество клумбочек, засаженных красными, жёлтыми и белыми розами. Город удивлял баснословным множеством розовых кустов. Иностранцы диву давались. Да и сограждане тоже. Кто бы ни приехал в их шахтёрскую столицу, сразу же, в аэропорту или у железнодорожного вокзала, восхищённо восклицал: «Но как, откуда столько?»

Столица угольная имела хорошо развитую сеть совхоза «Зеленстрой», и обком, и исполком не жалели на эстетику и красоту денег. Большое внимание уделялось поддержанию чистоты. Дворники постоянно что-то подметали, повсюду стояли урны, по улицам носились поливочные машины, смывая с асфальта пыль и заодно орошая клумбы. Дворники трудились с пяти утра. Кроме того, регулярно устраивались субботники. Школьников, студентов периодически выгоняли вскапывать клумбы, палисадники, подметать дорожки, белить известкой бордюры и деревья высоко, на полтора метра от земли. У завхозов всегда имелась в наличии краска, а посему оконные рамы, дверные косяки и сами двери, всякие заборчики и узорные изгороди были свежих цветов и радовали глаз.

Донбасс давал стране угля. Много, сверх плана. Эшелоны с чёрным, как любили в ту пору говорить, золотом громыхали и днём, и ночью. И как памятники ударному стахановскому труду, по всему Донбассу возвышались островерхие терриконы. Они были всяких размеров, от небольшого кургана, и такие, как Эльбрус. Пылища от них! Воротник к вечеру становился чёрным. Городскому воздуху требовалось постоянное очищение, что достигалось пышным озеленением. Ясени, акация, тополя. Даже была программа для терриконов. На некоторых деревья прижились.

А вот розы... О как это было замечательно! Куда ни глянь, розы, розы и розы! На площади Ленина летом работал фонтан, выполненный в роскошном ампире. В солнечные дни он играл радугой, обдавая брызгами на десятки метров. Детвора от восторга визжала и лезла купаться. В жару он был просто спасением. Освежённые водяной пылью розы пылали в лучах. Люди улыбались и радовались. Сколько влюблённых создали счастливые семьи среди этого розового раздолья. Сколько семей сохранилось, благодаря всемогущей магии свежей красоты.

Братья заняли столик у окна. Кафе «Арктика» считалось одним из самых роскошных. Богатые декорации, медвежья шкура на стене, корабельные штурвалы, картины с полярными пейзажами, расписные стены, хрустальные люстры. Официантки все как на подбор красавицы, в кокошниках, белых передничках, коротких юбках и туфлях на шпильках. В меню имелось с десяток сортов мороженого, коктейли, вина, конфеты, шоколад. Лакомства молодёжные. Однако сюда любили заглядывать не только влюблённые парочки. Часто можно было встретить за столиком и пожилую супружескую чету, и деловых людей. Но больше всех кафе посещали школьники и студенты.

Официантка, что подошла, выглядела дорогой куклой из магазина игрушек. Осветлённые вьющиеся волосы, аккуратно забранные сзади, длинные-предлинные ресницы, на которых висело по килограмму туши, губки бантиком, щёки румяные. Вся такая тоненькая, стройненькая. Когда она наклонилась над столиком, то край блузки несколько отошёл. Васёк стрельнул туда взглядом и обмер. Ему ещё никогда не приводилось видеть в живую девичью грудь. А тут... Юноша вспыхнул и мгновенно покрылся румянцем, заставил себя отвести глаза в сторону и глубоко-глубоко вздохнул. Девушка обо всём догадалась, но не подала вида, только улыбнулась. Однако не распрямилась. Может быть, специально?

Приняв заказ, кукла исчезла за портьерой в виде паруса. Вовка заговорщически подмигнул:

– Хороша? Чего покраснел?

– Уф, даже вспотел, если честно. Какая она красивая! И что мы раньше сюда не заходили?

– Им положено по работе такими быть. Вон, гляди, одна лучше другой. А ты, я гляжу, парень у меня не промах. Под кофточку дамочке чуть ли не руками полез.

– А ты думаешь, она заметила?

– А как же. И обрати внимание, не мне она себя демонстрировала, а тебе, не оперившемуся ещё. Дамочкам такого рода за кайф молодёжь совращать.

– Ну, прямо-таки, совращать. Чего она сделала-то такого? Думаешь, нарочно наклонилась?

– А то? Погоди, мороженое принесёт, ещё чего-нибудь выкинет.

И, в подтверждение, официанточка, как яркая бабочка, выпорхнула из-за паруса. Подлетела к пустому соседнему столику, поставила поднос, чтобы подать креманки с мороженым. При этом

повернулась спиной и нагнулась так, что стали чуть-чуть видны трусики с очаровательными белыми кружавчиками. Владимир стукнул брата под столом по ботинку, гляди, мол, какие ножки. Тот заёрзал на стуле, не зная, как себя вести. А когда кукла уже во второй раз склонилась именно над ним, то вообще затаил дыхание и больше не дышал, изо всех сил борясь с соблазном поглядеть ей за оттопырившуюся блузку. Поставив мороженое, девица вдруг в упор взглянула пареньку в глаза. Из-под ресниц пахнуло такой бездонной синевой, что Васёк начал захлёбываться, как в омуте. Насладившись произведенным фурором, она широко улыбнулась и незаметно для Вовки подмигнула малому, тот чуть в обморок не свалился.

– Может быть, молодые люди желают сухого вина? – это она спросила уже у старшего, на время оставив сконфуженного подростка наедине с внезапно навалившимися переживаниями.

Вовка, глянув на братика, согласился. Не помешает по бокалу «сухарика», подумал он, видя, что происходит. Да, Васёк, похоже у тебя, родной, первое боевое крещение? Ничего, полезно. А то вымахал под два метра, а сам ребёнок ребёнком.

Виляя бёдрами, официантка неспешно проследовала за портьеру, откуда вели наблюдение две такие же куклы:

– Люська, пять баллов, – зашебетала одна, толкая другую локтем. – Отлично сработано. Цель поражена прямо в сердце. И выбрала как удачно. Ну, ты психолог. Сопляк-то почти без чувств сидит. Гляньте-ка, девоньки. Ха-ха-ха!

– А ты как думала! Я, Эллочка, бью, как снайпер, всегда наверняка. Старшего не стала трогать, а то бы и его. Только неинтересно, заранее результат просчитывается. А вот младшенький мне понравился. Сосунок сосунком, а на титьки пялился с такой страстью, что мне истомно сделалось. А покраснел, покраснел-то. Эх, девоньки, так приятно, что кто-то ещё от тебя краснеть может. Особенно такой мальчик, непорочный, красивый, будто Нарцисс.

– Взяла бы, да и занялась, – вставила другая кукла. – У него, наверняка, хозяйство уже в полном порядке, как при развитом социализме. Видишь, под носом пушок? Молоденькое мясо вкуснее. Побежит за тобой, куда скажешь.

– Ша, подружка. Я чту уголовный кодекс. Разврат малолеток – это статья. Оно мне надо?

– Да брось ты! Какой разврат? Педагогика. Благородное дело. Ха-ха-ха!

А братья, не подозревая, какие вокруг сгущаются тучи, лакомились пломбиром с шоколадом и орехами. О том, что официантка ему подмигнула, Васёк, неизвестно почему, умолчал. В голове варилось непонятно что. По крайней мере, сердце билось не так, как раньше. Даже, когда они чуть не сорвались с глея, оно так не билось. А по телу гуляли волны доселе незнакомой энергии.

И уж совсем сконфузило мальчишку, когда на горизонте, вновь сияя и сверкая подобно модной на ту пору польской дорогой бижутерии, возникла его фея-соблазнительница. Запотевшая бутылка «Ркацители», два бокала и плитка шоколада. Старался смотреть только на них и не посмел даже поднять глаз. Официантка ликовала. Принявшись поправлять скатерть, она как бы нечаянно коснулась его руки. И сама вздрогнула. Словно обожгло. Вот тебе и нарцисс. Васёк весь напрягся. Он хотел, было, отдернуть руку, но не смог. Будто притянуло магнитом. Вовка в это время, выковыривая пробку из горлышка и прикидывая, по сколько кому налить и не предложить ли девушке с ними за компанию выпить, не заметил ничего. Васёк украдкой глянул на брата и, убедившись, что тот занят бутылкой, сам прижался – себе на удивление! – к руке девушки. Ему так сделалось приятно, что закружилась голова, и всё естество запело гимн любви.

Конечно же, в их классе много было красивых девочек с вполне развившимися и округлившимися формами. Бывало, с пацанами подкарауливали их на переменах, зажимали в неумелых объятиях. Девчонки визжали, хихикали, вырывались со смехом, бросались нахалям вдогонку и колотили по голове учебниками. Но всё это было как-то весело, несерьёзно, баловство, одним словом. Сейчас же девятиклассник вполне конкретно ощутил себя мужчиной. Ему вдруг захотелось остаться с этим удивительным созданием наедине, а там... Он вспыхнул, пальцы начали дрожать.

И совершенно необъяснимо чувствовала себя Люська-официантка. Что произошло? Словно толком ударило, парализовало. Она медленно выпрямилась, но уйти не могла. Ей стало жарко, несмотря на то, что в кафе исправно работал кондиционер. Что это за мальчик встретился ей сегодня? Сколько народу побывало, скольких мужиков она соблазнила и отбрила одновременно. И ничего. А тут ерунда какая-то. Она завороченно смотрела сверху вниз на выстриженную макушку. И тут

он поднял глаза. Зелёные! Разоблачающие! Или нет, влекущие, раздевающие, сводящие с ума. Господи! Это глаза не человека. А чьи? Дьявола? Да нет, какой же он дьявол. Ангел? Конечно, ангел. А я-то, что удумала.

– Люська, ну ты чего, самый клёв начался. Зачем убежала? – накинулись подружки, когда она влетела за портьеру.

– Оставьте меня. Ну, вас к чёрту, дурёхи, – огрызнулась Люська и кинулась в подсобку, где, закрывшись на шпингалет, уселась за стол и зажала ладонями виски, а глазами, полными неожиданных слёз, уставилась в угол.

Бокал вина проскочил как минералка. Парень его и не почувствовал. Раньше от полстакана начинало кидать из стороны в сторону. А сейчас хмель вообще не брал. Васёк потянулся к бутылке. Брат перехватил руку:

– Не гони так быстро. Что с тобой? Зацепило?

– Да так. А что, заметно?

– Я тебя таким не видел ещё.

– А что во мне вдруг такого необычного?

– Ну, как сказать. Не знал бы, что ещё шестнадцати нет, подумал бы взрослый мужчина. Взгляд у тебя сейчас какой-то. Нормально себя чувствуешь?

– Всё нормально, Вов. Давай, наливай. Хорошее вино.

– Вот те раз! Он уже и в винах разбирается.

– Да ладно тебе, чего прицепился, ну? Лучше подумай, как с отцом говорить.

– Подумал уже. Расскажу, как было. Что же он, не поймёт? Батя, не чужой человек. Да и мамка поддержит. Не будет же он, в конце-то концов, меня пороть!

– Может, закажем ещё чего-нибудь, – предложил Васёк, когда они допили сухое. – Может, по коньячку?

– Ну, ты совсем оборзел. Рановато коньячок. И откуда деньги? Вот поработаю перед армией пару-тройку месяцев, тогда гульнём.

– Слушай, а пристрой и меня на лето. Тоже не помешает копейка в кармане. Сколько можно у мамки пятаки стрелять?

Вовка взглянул на брата с восторгом. Вот это да! Действительно, серьёзный мужик перед ним. И чувство гордости за то, что его брат, самая близкая родня, вот уже вырос, переполнило слегка за хмельевшего от «Ркацителю» старшего.

– Где же наша обольстительница? – недавний абитуриент порыскал глазами по залу, но официантки нигде не было. – Пора бы уже и рассчитаться. Где её носит? Полчаса, как всё съели и выпили.

– Она не придёт, – тихо проговорил младший, так тихо, что брат не расслышал.

– А и леший с ней. Пойдём. Я деньги на столе оставляю. Что за бардак! Эти торгаши... То в магазине облают, то обслужить, как следует, не могут. Пошли отсюда.

В ноябре Владимира призвали. Мамка почему-то рыдала в голос. Отец, её обнимая, приговаривал, что сейчас не война, беспокоиться не о чём. Проводы отгуляли сквозь слёзы. Из первого же письма узнали, что сын их попал служить в далёкий Узбекистан, в учебный центр, через три месяца станет сержантом. Всё у него хорошо, кормят отлично, живут дружно, старшие командиры хоть и строгие, но справедливые. Отец возгордился, а мама в очередной раз расплакалась. Бередили ей душу предчувствия.

Младший, одолевал свой девятый. В классе был лучшим. Одни пятёрки. Помнил наказ старшего. И не просто помнил, а исполнял, как нечто святое. Они с братом действительно остаток лета проработали на том же «стройдворе» в столярке, где начальником цеха был знакомый их отца. Василий, с восторгом наблюдая за опытными столярами, их виртуозной работой, выучился мастерить табуретки, скамейки, оконные рамы. Всё в жизни пригодится. По работе, однако, ему позволяли только мелочи. Подмести, опилки вынести, помочь мастеру на пилораме или при изготовлении на станке дверной филёнки или косяка. Они с братом насквозь пропахли древесной смолой, и когда приходили после смены, мамка, учуяв их по запаху, из кухни кричала: «А-а-а, работнички мои явились»? И спешила накрывать стол.

Первая их зарплата была отдана мамке, конечно. А вторую она брать отказалась. Правильно, со-гласился отец, пусть парни развлекутся. Вовка сразу же все деньги прокутил с друзьями. А Васёк... не мог спать по ночам. Из-за неё, той официантки из кафе «Арктика». Много красивых девушек в городе. Глаз не хватало, чтоб всех рассмотреть. Но Васёку и не хотелось на всех-то смотреть. Он грезил о той. И денежки приберёт.

Первая в жизни любовь! Она неизбежна, безжалостна и почти всегда остаётся безответной. Василий, его сейчас из уважения именно так все звали, переживал её, эту первую, в себе и ни с кем не делился. Мамка заметила, что младшенький как-то замкнулся, стал неразговорчивым. Догадывалась. Но по природному своему такту в душу к парню не лезла.

Когда Володя ушёл в армию, Василий всё же решился. Её он заметил сразу, как вошёл. В кафе былолюдно. Она – всё такая же, ослепительная. Сняв пальто, стал высматривать свободный столик, сам оставаясь в тени, незаметным, как он думал. Купленный по дороге у старушки букет хризантем держал за спиной. Людмила обслуживала целое семейство, мужчину, женщину и троих детишек. Хозяин глазел на официантку так откровенно, что супруга не выдержала, одернула и злобно зашипела на ухо, чтобы не позорил её и детей при людях. Вася рассмеялся. Однако решительности у него поубавилось. И он продолжал торчать около вешалки, сам на неё, вешалку, похожий. Столиков, как назло, свободных не было.

Принеся детям и жене мороженое, а мужу бутылку, издали было не разобрать чего, Людмила вежливо улыбнулась и направилась к «парусу». Нет, какая-то она не такая. Что-то изменилось. И блузка не оттопыривается, Да и юбка не выше колен. А ресницы всё такие же, длинные-предлинные, из глаз синевой так и хлещет. Что бы это могло значить? Васёк наблюдал за девушкой и постепенно начинал трепетать в сладостном предчувствии. Сердце забилося учащённо. Как в тот раз. Ладоши сделались горячими.

И вдруг Людмила остановилась перед портьерой-«парусом», застыла на мгновение. И неожидан-но резко повернулась. Их глаза встретились. Она поставила поднос на ближайший столик, не обра-щая внимания на удивлённые взгляды сидевших, быстро подошла. Вася протянул букет. Девушка схватила парня за руку, потащила с собой. Они миновали «парус» и очутились в подсобке.

– А я ведь чуть не умерла. Даже в больнице лежала. Почему ты не приходил?

– Я боялся, – честно признался он.

– Чего? Чего ты, глупыш, боялся?

– Ну, что отвергнешь, посмеёшься.

– Господи! Да я правда из-за тебя не умерла чуть. Так мне стало невоготу жить. А ты всё не приходил.

– Прости меня. Я тебя так люблю.

Она перехватила букет в свою руку, уткнулась в него лицом.

– Спасибо тебе. Не верила, что такое может быть на самом деле. А ты?

– Мне по ночам не спится, к тебе хочется, сил нет.

– Да... Так и должно. Но ведь я уже старуха. Мне целых двадцать три.

– Подумаешь, разве возраст двадцать три?

– Но ведь ты мальчик совсем. Извини. Я не то хотела сказать. Понимаешь, нас не поймут, осудят.

– Пусть попробуют! И если только... прибью любого. Языки всем укорочу.

– Я сразу поняла, что ты необыкновенный. Вела, конечно, я себя тогда. Но ведь ты простил? Правда? Хочешь, уйду с этой работы, обрыдла она мне.

– А кто будет людям радость приносить?

– Я не хочу людям, хочу только тебе.

– И куда же думаешь перебраться?

– К себе в институт. Я ведь учусь. Заочно. И работать там же буду, в лаборатории. Я вообще хорошая.

– Я знаю. А ты.

– Что?

– Ты... любишь?

– Больше жизни!

Со страной что-то стало происходить. И не к лучшему. По телевизору шёл бесконечный трёп непонятно о чём. Какая-то гласность, плюрализм. Слово-то ругательное, как будто плюёшься. Люди недоумённо пожимали плечами. Генсеки, один за другим, то приходили, то помирали. Наконец, явился Михаил Сергеевич. Великий реформатор. И покатило.

Василий учился на последнем курсе. Получал повышенную стипендию и уже писал кандидатскую. На первом же году на него положил глаз заведующий кафедрой. Влюбился прямо-таки в своего лучшего, с нестандартным мышлением и удивительными способностями, студента. В хорошем, академическом смысле влюбился. К третьему курсу Василий уже был председателем студенческого научного общества, имел свыше двух десятков опубликованных статей. Завкафедрой готовил место для него в аспирантуре. И даже, забегая далеко вперёд, прочил Василия в собственные наследники.

Людмила из кафе ушла на следующий же день после их встречи. Она теперь работала заведующей своей же лабораторией при институте, который, благодаря Васе, закончила с отличием. Он ей и курсовые писал, и дипломную, и чертежи рисовал. Ему это – как семечки. А Людмиле приходилось крутиться. Как ни настаивал муж – а они поженились, как только возраст жениху позволил – подрабатывать она ему не разрешила. Семью обеспечивала сама. Родители помогали, конечно, но какой у них достаток.

Мать с отцом вначале стали на дыбы. Ой, горе-то, какое! – причитала мама. Жениться надумал, а сам дитё совсем. Отец только хмурился. Что скажешь? Раз решил, переубеждать бесполезно, мой характер. А когда Вася познакомил родителей с невестой, мать как-то сразу успокоилась. Отец вообще воссиял. Девушка пришлась по сердцу. И они приняли её в свой дом. Если откровенно, мать сама была старше отца на три года. Ну и что? Прожили так, что все завидовали. К тому же Василий, когда привёл Людмилу, вдруг повзрослел. Мать только диву давалась: как всё у сына по полочкам разложено, всё по уму. Людмила оказалась прекрасной хозяйкой. Потом у них появился ребёнок, и родители чуть ли не на руках её стали носить. Мальчик был копией деда.

Вовка, старший брат, домой из армии так и не вернулся. Остался на сверхсрочную. Потом окончил школу прапорщиков. А ещё через год стал офицером. Семья вначале ничего не знала о его службе. Владимир всё отписывался: дела идут нормально, служу без эксцессов, пока не женился и не собираюсь, в отличие от братика младшего. Не послушался моих наставлений, пусть живёт со своей красавицей без меня. И всё в шутейном тоне. Но в один из чёрных дней к ним зашёл военком. Они с отцом знавались с детства. Полковник долго молчал, не зная, с чего начать. Мать окаменела, догадываясь. Пропал ваш сын без вести, сказал полковник и не успел договорить, мама упала без чувств.

Служил их сын, как оказалось, в Афганистане. В одном бою погиб весь его взвод, но Владимира среди мёртвых не нашли. Среди живых тоже. Сочли без вести пропавшим. На следующее же утро родители собрались лететь в Москву, дальше в Термез. Военком отговаривал. Но мать оставалась непреклонной. Людмила одолжила, сколько смогла, денег в институте, Василию тоже выделили матпомощь, соседи собрали кое-какую сумму.

Потянулись полные тревоги и неизвестности дни. Вася ходил сам не свой. На кафедре, во время одного из заседаний научного совета, сцепился с преподавательницей, той, рыжей, которая Вовку завалила на вступительном экзамене. Наговорил ей всякого нелюбезного, обвинил в свалившемся на семью несчастье. Рыжая разрыдалась. Собственно, её вины не было. Просто в то время в их вуз поступила инструкция, по которой на приёмных экзаменах отдавалось предпочтение абитуриентам, имеющим рабочий стаж или отслужившим в армии. Институт строил несколько новых корпусов, и требовалась бесплатная рабочая сила. Вот и набирали работяг. Студенты по целому семестру трудились на новостройках. За так, естественно. А Вовка что, школьник вчерашний, пацан. Не повезло ему.

Завкафедрой долго с Василием беседовал и настоял, чтобы он перед рыжей извинился. Василий и сам хотел, когда остыл. Пришлось купить розы, коробку конфет. Рыжая вначале надула щёки, изображая обиду. Но когда в неё, опустившись почти с двухметровой высоты, упёрлись зелёные Васины глаза, растаяла. Будущий аспирант имел на женскую часть кафедры магическое влияние, перед которым сдавались даже такие крепости, как эта рыжая и весьма принципиальная доцентша,

гроза и источник всех бед нерадивых студентов. Розы и конфеты, а также целование ручки растопили лёд. Рыжая не только простила, но и напоила кофе, да ещё сильно возражала, когда Василий поднялся уходить. И что уж совсем огорошило, пообещала лично устроить в институт Владимира, когда тот вернётся. Заметив, как сник при этих словах Василий, она обняла его, несколько нежнее, чем следовало, и прошептала:

– Будь уверен, с братом твоим всё будет в порядке. Я всё-таки женщина, я знаю. Не тебе же одному колдуном быть. Я тоже ведьма. Ведь так?

И рассмеялась, правда несколько натянуто, а когда Василий вышел, задумчиво прошептала:

– Далеко мальчик пойдёт, – и, призадумавшись, добавила, – а кому, как ни ему. И, дай Бог. Парень-то каков! Эх, где вы, мои двадцать лет?

Родители объявились аж через месяц. Василий, изведшись, уже сам хотел лететь в Термез, деньги одалживал. Как вдруг в один из вечеров к дому подкатило такси и начало сигналить, да так назойливо, что вскоре сбежались все соседи. Людмила как стирала детские вещи, так и выскочила вслед за мужем с мокрыми руками. А такси всё сигналило. Наконец, открылась передняя дверца, показался отец. Вася замер. С какой вестью? Неужели с чёрной? В груди так и оборвалось. Но что это? Лицо отца растянуло от уха до уха счастливая улыбка. Вышла из машины и мама, такая же, сияющая, хоть лицом и осунувшаяся. Слава Богу, жив братишка!

Они оба, Вася и Люда, кинулись к родителям с объятьями. Но батя выставил вперёд ручищу и крикнул:

– Стоять, гвардейцы! Смирно! Равнение на... – и церемонно открыл заднюю дверцу.

– Вовка! Живой! Бог мой, братик родной, – Василий, не удержав слёз, обрушился на старшего ураганом. – Я знал, я знал. Что мы, не фраера? Вовка, брат.

Опасаясь, что младший задушит старшего в неконтролируемых объятьях, отец вмешался:

– Васёк, погоди, не так сильно. Раненый он, нельзя его так. Да погоди же ты, скаженный. Лучше погляди, кто перед тобой. Давай, давай, глаза разуй.

Когда расстояние между братьями стараниями отца и подоспевшей на помощь мамы мало-мальски увеличилось, и присутствующие устремили внимание чисто на Вовку, в толпе раздались восхищённые голоса. Перед ними стоял капитан ВДВ – как потом выяснилось, звание присвоено было досрочно – в безупречной по красоте парадной форме. Но даже и не это всех сразило. На груди у Владимира сверкнул золотой лучик. Звезда Героя Советского Союза! А рядом – орден Ленина. И две нашивки, одна жёлтая, другая красная. Жёлтая – за лёгкое ранение, а красная... И пока толпа пребывала в ступоре, капитан проследовал к невестке, ни слова не говоря, сгрёб её в охапку и поцеловал прямо в губы. Да так крепко. Людмила вырвалась не без труда и, смутившись чуть ли не до обморока, спряталась за Васину спину.

– Не сердись, – Вовка в очередной раз обнял брата и тихо поклялся, – это в первый и последний раз. Слово офицера. Я за тебя и за твою жену-красавицу любого порву. Ты меня знаешь. Господи, как я вас люблю всех! Как долго я к вам добирался. Пап, давай, приглашай всех соседей. Гулять будем. Мама, Люда, стол на улице накрывайте, в доме не уместимся. Семёныч, – это он крикнул водителю, – раскрывай багажник, выгружай припасы. А ты, братуха, веди, показывай наследника, моего законного племянника, я ему тут привёз кое-чего.

5

– А мы, Васенька, даже в Кремле были. Представляешь, сам президент, Михаил Сергеевич нашему Вовочке награду на грудь нацепил. На израненную грудь-то.

Мать снова заплакала. Людмила обняла её и стала гладить по спине:

– Мама, ну сколько можно! Пожалейте себя, обошлось ведь. Вы нам здоровенькая нужны, чтоб подольше жили с нами.

– Ох, Людочка, сиротиночка ты моя, дай обниму тебя покрепче. Как Васеньке повезло с тобой.

И ещё больше навзрыд, только теперь обе. А мужики во дворе беседовали. Было уже за полночь. Погода стояла тёплая, комары в тех местах не водились. Замечательная ночь! Вовкин племянник сладко посапывал в кровати, которую вынесли из душевной комнаты на свежий воздух. Рядом с кроватью стоял новенький велосипед «Орлёнок», дядьки подарок.

– Я начальнику госпиталя говорю, сын мой у вас. А он, нельзя, и всё тут. Ну, погодите, говорю,

я к командующему пойду. И пошёл ведь. Генерал выслушал, угостил коньяком, кофе. При мне позвонил полковнику этому, медику. Понимаете, говорит, уважаемый, сын ваш только что из операционной, в реанимации. Туда даже меня не пустят. И это правильно. Но через день доктор обещал. Самое страшное позади. Герой, говорит, сын ваш. Спасибо вам за него. Кабы не он, то под угрозой оказалась бы вся армия. Ну, скажи ты, хоть.

– Пап, да не так же всё было. Ну, взяли нас духи в оборот. Ребят своих так жалко. – Владимир заскрипел зубами. – Пацаны все, по девятнадцать-двадцать лет. Это они дело сделали. А я что. Я тут, с вами. Коньяк вот пью. Помнишь, Васёк, ты хотел? Давай, ещё по одной. Не чокаясь. Помянуть хочу парней.

Они выпили. Помолчали.

– Их тогда целый полк, считай, на наш взвод навалился. Разведчики-то знали, и доложили кому надо вовремя. Но у наших генералов свои планы. Что им какой-то там взвод. Высотку мы оборудовали хорошо. Поэтому и держались целых два дня. Пока я один не остался. Я бы и один их, чурок поганых, косил, но они стали по высоте пушками бить. Думали, нас батальон целый. Ну, снарядом меня и накрыло. Не пойму, как цел-то остался. Очнулся в госпитале. А передо мной мама сидит и плачет. Ну, думаю, это я уже в раю. Но тут, и батя входит, да не один, а с комдивом нашим. Генерал бережно так жмёт руку мне, а сам глаза отводит. Выходит, это он нас на смерть благословил. Хотел плюнуть в рожу ему тогда, дак ведь дышать толком не мог. А теперь думаю, генералу нашему ещё тяжелее пришлось. Мне-то что, меня разведчики отбили у духов, раны зажили, звезду на грудь кинули, почёт да уважение. Льготы опять же... А ему?

И опять зависло молчание. Долго, братишка, тебе ещё с этим жить, подумалось Василию. Так долго, что и конца края не видно. Что же ждёт нас всех? Неспроста эти раны и эти звёзды геройские.

– Я хочу, мальцы, выпить за доктора, – произнёс отец в задумчивости. – Хирурга, что Вовку нашего с того света вернул. Чтоб безмерная благодарность наша во всём помогала ему, святому человеку.

Когда опрокинули рюмки, Вовка шепнул брату:

– Я тебе после расскажу, какой святой наш хирург. Всех медсестёр оприходовал в госпитале. Молодой, здоровенный мужик, полковник, рост, размах плеч, усики этакие белогвардейские. Но руки золотые. Его заслуга, что сижу здесь с вами, это уж точно.

– Есть идея, – Василий сверкнул заговорщически глазами и склонился к Вовкиному уху. – Предлагаю назавтра, а чего откладывать, восхождение. Только, тс-с-с.

6

Когда в окнах порозовело, Вовка бесшумно, на цыпочках прокрался в комнату младшего брата. Людмила примостилась у Васи подмышкой и тихо посапывала с таким счастливым выражением на лице, что брат-герой залюбовался. Молодец, братишка. Так и надо за счастье бороться. Наперекор всему. Я бы не смог, наверное. Железный характер. Впрочем, и мы не лыком шиты.

– А ну, голубки, подъём!

– А? Что? Вов, это ты? Чего так рано?

– Как чего? А кто предлагал вчера? Раз сказал, то слово держи.

– Да ты что! Тебе ж нельзя.

– Кто сказал? Мне теперь всё можно. Вставай.

Людмила смотрела непонимающе то на мужа, то на брата его старшего.

– Ты гляди, невестка, родителям ни слова, а мы мигом обернёмся.

– Ребята, вы чего задумали?

Вася наклонился и чмокнул её в щёку.

– После расскажем. Спи.

Они миновали железную дорогу, посадку, зашли на территорию «стройдвора». У столярки Вовка остановился, зачерпнул горсть опилок.

– Чуешь, как пахнет? Детством нашим. Сколько раз, Васёк, я этот запах вспоминал там, в Афгане. Эх, и хорошо же дома!

– Арматуру, я думаю, брать не будем? – рассмеялся в ответ Васек.

– А если пещерный король козыря предьявлять начнёт?

– Так мы его голыми руками. Что мы, не фраера?

До глея добирались почти час. Вовке каждые десять метров подъёма давались тяжёлой одышкой. Раненое лёгкое никак не хотело входить в режим. Но постепенно раздышался. Васёк следовал сзади и контролировал каждый его шаг, что вконец разозлило старшего.

– Ты ещё скажи, что на глей мне нельзя лезть.

– Так ведь, сам понимаешь, батя прибьёт, если что.

– Да ты случаем, не сдрейфил ли, салага?

– Что! Я салага?

– А то кто же, я что ли?

– Ой-ой-ой. Звёзды геройские нацепил и думаешь, всё тебе само дастся?

– Конечно. А как иначе? «Вперёд и вверх, а там ведь это наши горы, они помогут нам». Слышал Высоцкого?

– Дома пять кассет с его песнями.

– И ты молчал?! Вот я тебя. А ну, пошли, пацан.

В пещере пришлось им сесть в обнимку, еле уместились. Когда вылезли на верхушку, так же, как и много лет назад, взялись за руки. Туч на небе не было. Солнце поднялось уже высоко. Тополя и вершина соседнего террикона, выросшего втрое, переливались оранжевыми сполохами. Василий толкнул:

– А брёвна-то, как спички. А вон тётка с дядькой идут, точно лилипутики. Смешно. Домишки какие миниатюрные. Вов, а нашу школу не видно.

– Эй, альпинисты! – раздалось вдруг снизу у глея. – Вы там поосторожнее.

– Не, я не понял. Это что же дееется? Людмила твоя и на горшок с тобой ходит?

– Вот скаженная! – Вася, хоть и сделал вид, что рассердился, но сдержатъ блаженную улыбку не смог. – Людка! Не смей, слышишь! Не вздумай лезть. Вов, пошли обратно, а то ведь залезет, она такая.

Они спустились. Осмотрели друг друга. Порядок, ни одной царапины. Люда прижалась к братьям:

– Жуть! Высотища... Будто настоящие горы. И как это вы не боитесь?

– А мы что, не фраера? – в свою очередь рассмеялся Вовка и закашлялся.

– Ну, всё, мамка теперь съест живьём.

– Это, Василёк, как пить дать. Обязательно съест. Да я и сама хотела. А когда следом за вами взобралась, то передумала. Здорово здесь. Душа поёт.

– Братцы, – вдруг выкрикнул старший брат, – а давайте сегодня в «Арктику»? А, Людочка? К твоим подругам. Может, с какой познакомлюсь? Нарвём нахально по дороге роз в сквере или прямо на площади... Чего вы?

Супруги поникли головами. Люда, чуть не плача, объяснила:

– Деверь мой дорогой, долго тебя не было. Закрыли кафе. И роз не получится нарвать. Нет их больше ни в сквере, ни на площади. Нигде нет. «Зеленстрой» за нерентабельностью разогнали. И колбаса из магазинов пропала. И грязь по городу развелась. Ничего больше не осталось из жизни нашей прежней. Плюрализм всё заменил, да прожектор перестройки. А первыми розы...

Вовка, потрясённый услышанным, даже присел. Горько сделалось. Так горько, что не выдержал и заорал на всю округу:

– А-а-а!!! Гады! Гады! Что ж вы творите, мерзавцы! Розы-то за что? Ну, ладно, нас грешных косяками кладёте. Пёс с вами. А розы? Выходит, когда мои ребята на высоте один за другим в землю сошли, розы уже погибли. Первыми.

Ветер шумел, рвал одежду, трепал Людины волосы, и они вились вокруг её плеч, словно пламя горящего факела. Вася обнял брата. Они втроем прижались друг к другу. Младший сказал старшему:

– Теперь нам по жизни только так, всем вместе. Иначе не выстоять. Мы же семья.

А ветер всё шумел и шумел. Солнечные лучи с трудом пробивались к земле. Над горизонтом по всей округности широкой полосой нависла мгла чёрной угольной гари и промышленного смога, и казалось, что это затягивается гигантская, удушающая всё живое, петля из самой преисподней.